

DOI: 10.31857/S013038640011366-0

© 2020 г. С. Г. КАРПЮК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР В 1941–1943 годах.

Документальные свидетельства

Карпюк Сергей Георгиевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: oxlos@yandex.ru

Researcher ID: E-4905-2017; Scopus ID: 57194379068

Аннотация. В статье представлены архивные документы, которые позволяют пролить новый свет на историю советской исторической науки во время войны, на функционирование Института истории АН СССР, а также уточнить направления научных изысканий и детали биографий историков. Архивные документы свидетельствуют о плохо организованной эвакуации гуманитарных институтов Академии наук из Москвы. Создание института уполномоченных и решительные действия академического руководства (прежде всего, С.М. Файланда) помогли восстановить управляемость академических учреждений в прифронтовой Москве (в их числе и Института истории АН СССР) в октябре–ноябре 1941 г.

Для московских историков важнейшее значение в период осадного положения и неразберихи имела причастность к «Летописи Отечественной войны», которую организовал И.И. Минц. Его целью было создание самостоятельного Института истории Отечественной войны под его руководством; он развил активную деятельность, в которую были вовлечены десятки сотрудников московских академических институтов. В длительной перспективе его усилия не увенчались успехом; академическая вертикаль сохранилась, новых институций не было создано. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что руководство Казанского центра Академии наук было отстранено Сталиным как раз за проявление самостоятельных инициатив.

Институт истории АН СССР в Москве в полном объеме восстановил свою деятельность летом 1943 г. Дробления института не произошло, напротив, происходит гиперцентрализация, от которой Институт истории даже выиграл: под руководство историков перешел Институт истории материальной культуры (ИИМК). И после окончания войны Институт истории АН СССР оставался влиятельным гуманитарным академическим институтом, который осуществлял координационную деятельность в сфере исторических исследований.

Ключевые слова: Институт истории АН СССР, историческая наука в СССР, Великая Отечественная война, московская паника, эвакуация.

S. G. Karpyuk

The Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1941–1943.

Documentary Evidences

Sergey Karpyuk, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: oxlos@yandex.ru

Researcher ID: E-4905-2017; Scopus ID: 57194379068

Abstract. The article presents archival documents, which allow to shed new light on the history of Soviet historical science during the war, on the functioning of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, as well as to clarify the directions of academic research and details of biographies of historians. Archival documents show a poorly organized evacuation of the humanities institutes of the Academy of Sciences from Moscow. The establishment of the institution of Commissioners and the decisive actions of academic leaders (first of all, S. M. Fayland) helped to restore the manageability of academic institutions in front-line Moscow (including the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR) in October–November 1941.

For Moscow historians, the involvement in the "Chronicles of the Patriotic War," which was organized by I.I. Minz, was essential during the period of siege and confusion. His goal was to create an independent Institute of History of the Patriotic War under his own leadership. He developed energetic activity in which dozens of employees of Moscow academic institutions were involved. In the long run, his efforts failed; the academic vertical order was preserved, no new institutions were created. Not the last role in this was played by the fact that the leadership of the Kazan Center of the Academy of Sciences was liquidated by J. Stalin just for showing independent initiatives. The Institute of History of the USSR Academy of Sciences in Moscow fully restored its activities in the summer of 1943. The Institute was not suppressed; on the contrary, there was a hypercentralization, from which the Institute of History managed to get some gain: the Institute of the History of Material Culture came under the leadership of historians. And after the end of the war the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR remained an influential academic institute for humanities, which carried out coordination activities in the field of historical research.

Keywords: Institute of History, Academy of Sciences of the USSR, historical studies in the USSR, Great Patriotic war, panic in Moscow, evacuation.

Великая Отечественная война оказала существенное воздействие на развитие исторической науки в СССР, о чем свидетельствуют архивные документы военного времени. Особый интерес в этой связи представляют документы из Архива РАН, датированные осенью и зимой 1941 г. и первой половиной 1942 г.: переписка И. И. Минца, возглавившего располагавшуюся в осажденной Москве Комиссию по составлению «Летописи Отечественной войны», с эвакуированным в Казань руководством Академии наук СССР¹, а также сохранившаяся документация аппарата уполномоченного по оставшимся в Москве в 1941–1942 гг. академическим учреждениям С. М. Файланда². Архивные документы содержат важные детали, которые проливают свет на развитие научных институций, позволяют уточнить направления научных изысканий и детали биографий историков. Широкое использование и осмысление архивных документов позволяет как преодолеть «панегирический» неумеренно хвалебный подход историков советского периода, так и наметить новые задачи в изучении истории Академии наук СССР.

ДОВОЕННАЯ СИТУАЦИЯ

В Академии наук СССР в 1940 г. насчитывалось 10 282 сотрудника, из них 4324 научных работника. Численность ведущего института Отделения истории и философии АН СССР – Института истории – на 1 декабря 1939 г. составляла 194 сотрудника, к январю 1940 г. предполагалось увеличение до 204 человек, из них 141 научный работник³. В 1939 г. на зарплату штатным и нештатным сотрудникам института было выделено 1632500 руб., согласно плану на 1940 г. должно было быть выделено 1817600 руб.⁴

Известный советский историк древности и одновременно партийный функционер А. В. Мишулин в статье в газете «Правда» писал: «Институт истории Академии наук

¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19.

² Там же. Оп. 1. Д. 30.

³ Там же. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 7

⁴ Там же. Л. 42-43.

СССР стал всесоюзным центром подлинно научной работы. Начавшаяся подготовка многотомных капитальных изданий “Всемирной истории” и “Истории СССР” покажет, в какой мере историки сумели выполнить все указания “Краткого курса” для марксистского построения всеобщей истории и истории нашей родины. Пройдут два-три года, эта работа будет завершена, и историки должны будут сдать экзамен на аттестат марксистско-ленинской зрелости»⁵. Статья называлась «На историческом фронте». Не прошло и года: одни советские историки оказались на фронтах Великой Отечественной войны, другие — в эвакуации.

ЭВАКУАЦИЯ

В первые месяцы Великой Отечественной войны из Академии наук СССР ушло на фронт около 2 тыс. сотрудников. Число научных работников АН с 1941 по 1943 г. сократилось на 20%. Впоследствии начался приток новых сил: к 1945 г. количество научных сотрудников увеличилось до 4680⁶. 16 июля 1941 г. было принято правительственное постановление об эвакуации учреждений АН СССР в Казань (первоначально основным местом эвакуации академических учреждений намечался Томск). Осенью 1941 г. было принято решение правительства о втором этапе эвакуации учреждений АН СССР, который продолжался с 15 октября до конца 1941 г. Учреждения геологического профиля были эвакуированы на Урал, гуманитарные и биологические — в республики Средней Азии⁷. «В городах Средней Азии были размещены гуманитарные учреждения Академии наук СССР, насчитывающие 735 научных сотрудников, 13 академиков и 30 членов-корреспондентов. Часть сотрудников, в том числе 10 академиков и 34 члена-корреспондента Академии наук СССР, оставалась в Москве и Ленинграде»⁸.

В Москве гуманитарные институты АН СССР попали во вторую очередь эвакуации, которая началась сравнительно поздно — в октябре 1941 г. В отличие от эвакуации первой очереди, ей сопутствовала спешка и неразбериха: к примеру, из сотрудников Московского отделения Института истории материальной культуры в специально выделенном вагоне смогли эвакуироваться в Ташкент только назначенный временный руководитель А. В. Збруева и бухгалтер Л. Н. Эсаулов, увезя с собой печать ИИМК⁹.

В папке, содержащей списки эвакуированных сотрудников (по институтам Академии наук), Институт истории вообще не был представлен¹⁰, что свидетельствует о неорганизованном характере эвакуации. Поскольку было распространено совместительство, многие сотрудники эвакуировались с другими организациями: заведующий сектором древней истории Института истории А. В. Мишулин эвакуировался в октябре 1941 г. вместе с МГУ в Ашхабад¹¹.

Процесс эвакуации не был простым, что подтверждает письмо Б. Т. Горянову, уполномоченному по Институту истории¹², от В. Луцкого, застрявшего с вагонами с имуществом Института истории и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам (ФБОН) на станции Перово. Письмо было отправлено, очевидно, в начале ноября 1941 г.: «Нам не раз

⁵ Правда, 15.XI.1940.

⁶ Козлов Б. И. Академия наук СССР в годы войны: урок истории // Вестник РАН, 2005, т. 75, № 5, с. 391.

⁷ Комков Г. Д., Левишин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах). Т. 2. 1917–1976. М., 1977, с. 166.

⁸ Там же, с. 168.

⁹ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 43; Картюк С. Г. Московское отделение ИИМК, лето 1941 — зима 1941/42 гг. // Российская археология, 2019, № 2, с. 172.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 2. Д. 31.

¹¹ Там же. Д. 198. Л. 12.

¹² Институт уполномоченных (временных руководителей не эвакуированных академических учреждений) играл в годы войны большую роль.

предлагали двигать наш один вагон с сопровождающими, а оставить остальные 4. Если бы мы пошли на это, мы бы были далеко от Москвы. Мы отказались от этого, считая своим долгом сохранить материалы, а в Президиуме не понимают обстановки и считают наши мытарства чем-то вроде увеселительной прогулки»¹³.

МОСКОВСКАЯ ПАНИКА

В начале октября 1941 г. фронт был прорван, и Москва из тылового стремительно превращалась в прифронтовой город. 15 октября было принято решение об эвакуации из Москвы правительственных учреждений. Это привело к печально знаменитой «московской панике», которая неизбежно затронула и академические учреждения. Обстановку тех дней рельефно передает заявление на имя вице-президента АН СССР О. Ю. Шмидта от «докторанта-безотрывника» Белковой лаборатории АН СССР В. А. Далматова: «Гор. Алма-Ата, 18/I–1942 г. Заявление. 16-го октября 1941 г., в 10 ч. утра т. Файланд вызвал директоров некоторых Институты и директора Лаборатории белка т. Перова и заявил им о срочной эвакуации из Москвы сотрудников учреждений, не останавливаясь перед выходом пешком. Тов. Перов позвонил в Лабораторию белка и просил поставить в известность всех сотрудников. Я немедленно созвал собрание и объявил о решении Уполномоченного Президиума АН Файланда¹⁴... Было около 1 ч. дня, т.е. то время, когда нам предложили из Академии Наук и Куйбышевского Р.К. эвакуироваться из Москвы. Тов. Перов С. С. и Далматов отправились пешком, оставив все лабораторное оборудование и свои личные вещи. Перед уходом т. Перов подписал чек на 20000 руб. для выдачи зарплаты оставшимся сотрудникам и назначил доктора наук Б. А. Иорданского ответственным за сохранность лабораторного имущества. Оставшиеся после нашего ухода сотрудники Лаборатории эвакуировались из Москвы только 6-го ноября. По приезде в Алма-Ата они рассказали, что 17/X-41 г. т. Файланд вызвал из Лаборатории белка С. Н. Лутохина, беспартийного (кстати сказать, Лутохин был 10/X-41 уволен из Лаборатории) и назначил его Уполномоченным Лаборатории. Начало своей “деятельности” уполномоченный Лутохин ознаменовал тем, что уволил из числа сотрудников Лаборатории академика, директора т. Перова С.С.; уволил старшего научного сотрудника, докторанта-безотрывника Далматова и лаборантку Шахмейстер... Он принял на работу своих собутыльников: И. Ф. Леонтьева, б/п [беспартийного], уволенного из Лаборатории белка в 1938 г., за антисоветское выступление в печати, и Д. И. Потемкина»¹⁵.

В подразделениях, обслуживающих АН СССР, ситуацию использовали по-своему, о чем свидетельствует письмо С. М. Файланда начальнику московской милиции, отправленное, судя по контексту, 18 октября 1941 г.: «№ 62-3__октября 41. Начальнику Гормилиции г. Москвы тов. Романченко. 17/X Директор Автобазы Академии Наук СССР гр. Израйлевич угнал по направлению на Казань три автомашины: автобус МВ 34-38 ГАЗ 2А; пикап ГАЗ А1 МВ 34-20 и М1 МА 37-93. Согласно нашей договоренности по телефону прошу дать телеграфное распоряжение в Горький и по Чувашскому тракту, где сейчас, очевидно, находятся эти машины, задержать Израйлевича и возвратить угнанные автомашины. Секретарь парторганизации Ц[ентрального] а[ппарата] Академии Наук СССР С. М. Файланд»¹⁶.

Сохранился документ о панике в Институте истории. Это письмо уполномоченного Б. Т. Горянова С. М. Файланду. Оно напечатано на бланке Института истории АН СССР (Москва, Волхонка, 14) и датировано 24 октября 1941 г.: «Начальнику Административно-

¹³ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹⁴ На письме сохранилась помета Файланда красным карандашом: «Никакого приказа об эвакуации тов. Далматову дано не было».

¹⁵ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14об.

¹⁶ Там же. Л. 1.

хозяйственного Управления АН СССР тов. Файланд[у]. Ученый секретарь Института истории тов. Алефиренко отказалась явиться на работу 18/X с. г., несмотря на Ваше распоряжение. Моим приказом по Институту тов. Алефиренко освобождена от работы за “самовольное оставление своего поста и за отказ явиться на работу, несмотря на распоряжение Начальника АХУ Академии наук СССР тов. Файланд[а]”. От старшего научного сотрудника тов. Петропавловского 23/X получена следующая телеграмма из Шарьи, Северной ж.д. от 19/X-41 г.: “Случайно удалось выехать направлении Новосибирск или Алма-Ата. Хлопочите эшелоне сотрудников Новосибирск или Алма-Ату. Петропавловский”. Т. Петропавловский – старший научный сотрудник Института и секретарь партийной организации Института с 16 сентября 1941 г. покинул в Москву в 18 часов вечера. С ним вместе ушли старшие научные сотрудники – члены партбюро: Кучкин А. П., Эгерст З. К., Шелюбский А. П. и сотрудники Института, члены партии: Бронштейн В. С., Рубинштейн Е. И., Цунк Е. Ю., Ловецкий И. А. (военнообязанный), Баевский Д. А. (военнообязанный), Гуревич А. М. (военнообязанный), Ленчнер С. И., Матюгин (военнообязанный). Рассматривая этих сотрудников Института как покинувших самовольно свои трудовые посты, я тем не менее не могу принять о них решение без согласования с партийными органами. Ввиду этого прошу Вас дать мне указания о мерах против перечисленных лиц. Уполномоченный Президиума по Институту Истории Б. Т. Горянов»¹⁷.

Дополняет характеристику обстановки тех дней акт от 10 ноября 1941 г. о сожжении секретных материалов в Институте истории (12 папок и 10 круглых печатей)¹⁸.

Создание института уполномоченных и решительные действия академического руководства (прежде всего, С. М. Файланда) помогли в октябре – ноябре 1941 г. восстановить управляемость академических учреждений в прифронтовой Москве, в их числе и Института истории АН СССР.

РАБОТА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ В МОСКВЕ, 1941–1942 годы

Если московская паника и прервала работу в Институте истории в Москве, то ненадолго. Согласно приказу директора института, часть сотрудников не эвакуировалась. До нас дошел подписанный академиком Б. Д. Грековым список сотрудников Института истории АН СССР, оставленных в Москве: Панкратова, Войтинский, Яковлев, Губер, Бережков, Крастынь, Баженов, Миллер, Зайцева, Рыковская, Лебедева, Ястребова, Фролова, Артюшина, Осипова, Иванов, Раимов, Черняков, Соколова, Трусова. Всего в списке 20 фамилий: 14 напечатанных и 6 подписанных от руки (Панкратова, Иванов, Раимов, Черняков, Соколова, Трусова), которые, очевидно, были добавлены в последний момент¹⁹. Сохранился и сокращенный вариант того же списка, очевидно более ранний, от Войтинского до Осиповой включительно. Этот список также подписан академиком Б. Д. Грековым, в нем 14 фамилий²⁰.

О том, как протекала работа сотрудников Института истории осенью 1941 г. и зимой 1941–1942 гг., свидетельствует отчет сотрудника института Полины Осиповой: «В Президиум Академии наук. Отделение общественных наук. т. Кузнецову. С 23 января возобновила работу по подготовке брошюры по теме “Фашистская Германия и страны Латинской Америки”. Работу по сбору материалов я начала еще в октябре, и тема была

¹⁷ Там же. Л. 6. Б. Т. Горянов – ленинградский византист, оказавшийся в эти дни в Москве, был назначен уполномоченным. Он не стал пользоваться своей почти неограниченной властью и увольнять самовольно покинувших Москву сотрудников.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 30. Л. 47.

²⁰ Там же. Л. 50.

утверждена тов. Панкратовой А.М.²¹ ... П. Осипова, младший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР 26/1-1942»²².

Большинство оставшихся в Москве сотрудников института принимали участие в «Московской летописи Отечественной войны» под руководством члена-корреспондента АН СССР И. И. Минца, но часть работала по индивидуальным темам, о чем свидетельствуют справочные материалы, подготовленные в начале января 1942 г.: «Справка об Институте истории (для стенограммы от 14/1-42 г.) Работают по «Московской летописи» (работа ведется без перерыва с 1 июля 1941 года). 1. Миллер П. Н. 2. Бережков Н. Г. 3. Крастынь Я. Г. 4. Осипова П. Е. (обрабатывает и распределяет по темам поступающий материал). 5. Фролова О. Л. 6. Зайцева М. М. Кроме того, очень значительное место занимает работа над индивидуальными темами: 7. Войтинский Г. М. 8. Яковлев А. И. 9. Губер А. А. 10. Крастынь Я. П. 11. Осипова П. Е. 12. Зинич С. И. — работает в «Радио». 13. Черняков З. Е. 14. Соколова К. П. 15. Ястребова Р. Г. — ст. бухгалтер. 16. Лебедева Г. В. — м.н.с. и завхоз. 17. Артюшина А. Д. — курьер и уборщица. Ученая база — кроме выписанных газет и 16 журналов имеются доступные для сотрудников книгохранилища. Финансовая база — кредиты Института»²³.

Возобновляется и публикационная деятельность АН СССР, в которой активное участие принимали сотрудники Института истории: сохранились планы издания АН СССР на первый квартал 1942 г. По Отделению истории и философии АН СССР, наряду с «Историческими записками» т. XIII и XIV и сборником статей «Из истории героического прошлого русского народа» (25 л., январь), в списке значится: «Всемирная история. Т. XIV. Канун Французской буржуазной революции. Сдана, верстка». В разделе «Оборонная и антифашистская литература» наряду с брошюрами академика В. В. Струве («Фашистский антисемитизм», 1 л., гранки) и академика Варги («О “новом порядке” в Европе») упоминаются две книги сотрудника Института истории Крастыня, посвященные Финляндии и Прибалтике. В это нелегкое время были найдены ресурсы для публикации «Истории римской литературы» академика М.М. Покровского («40 л. Сдана, матрицы») ²⁴.

К 25-й годовщине Октябрьской революции в Москве была издана книга, в которой был дан обзор развития исторической науки в СССР в первой четверти века существования советской страны²⁵. К этой же дате были приурочены юбилейные публикации в «Историческом журнале», который продолжал издаваться в Москве²⁶.

Здание институтов Отделения истории и философии АН СССР в Москве на ул. Волхонка, д. 14, в котором с 1936 по 1960 г. помещался Институт истории, сильно пострадало от бомбежки 28 октября 1941 г. В ноябре 1941 г. был составлен «Акт о состоянии имущества Института истории и здания по ул. Волхонка, 14»; в нем было высказано предложение перевезти мягкую мебель в отопляемое помещение. В этом же акте предписывалось: «Уполномоченным Институтов — Экономики,

²¹ Далее перечисляются подготовленные рецензии в основном на англо-американскую научную литературу по актуальной тематике.

²² Приписка: «План брошюры могу предоставить недели через 2, т. к. часть ранее собранных материалов пропала в мое отсутствие, и я еще не выяснила наличной литературы» // Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 52.

²³ Там же. Л. 48–49.

²⁴ Там же. Д. 37. Л. 1–10.

²⁵ Академия наук СССР. Институт истории. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. акад. В. П. Волгина, акад. Е. В. Тарле и члена-корреспондента Академии наук СССР А. М. Панкратовой. М.—Л., 1942, 288 с.

²⁶ Авдиев В. И. Изучение истории Древнего Востока за 25 лет // Исторический журнал, 1942, № 10, с. 98–102; Греков Б. Д. Изучение истории СССР за 25 лет // Там же, с. 83–91; Мишулин А. В. Изучение древней истории в СССР за 25 лет // Там же, с. 103–107; Панкратова А. М. Историческая наука в СССР за 25 лет // Там же, с. 31–48; Ефимов А. В. Советские документальные публикации по Новой истории за 25 лет // Исторический журнал, 1942, № 11, с. 57–63;

Мирового хозяйства, Истории немедленно приступить к передаче книг в Фундаментальную Библиотеку, закончив передачу не позднее 20 декабря»²⁷.

23 декабря 1941 г. был составлен и подписан комиссией под председательством Д. Д. Иванова (среди членов комиссии был уполномоченный по Институту истории В. Н. Чернецов) «Акт о состоянии имущества Института истории АН СССР»: «Имущество Института, в большей своей части оставшееся в доме по Волхонке 14, в настоящее время хранится в условиях, не обеспечивающих его сохранности. Комиссия считает необходимым отметить, что дирекцией Института не было принято своевременных мер для охраны имущества Института. Необходимо ускорить ремонт помещения в нижнем этаже указанного здания, предназначенного для хранения жесткой мебели Института, и перевозку мягкой мебели в помещение Энергетического института. Описи имущества Института в настоящее время не имеется. Комиссия обязывает Уполномоченного по Институту составить опись в кратчайший срок. Библиотека в основном сосредоточена в помещении Энергетического института. До приведения в порядок имущества Института в новом помещении Комиссия не считает возможным принять имущество Института»²⁸.

Сохранилась довоенная опись имущества Института истории: имущество института хранилось в комнатах 102, 103, 105, 203, 204, 206, 214. В описи фигурируют и многочисленные портреты «вождей» от Сталина до Ворошилова и Хрущева, и мебель («шкаф книжный красного дерева», «шкаф мореного дуба», «стол шведско-американский», «тумба фанерная под бюст Ленина, списана за негодностью»), и пишущие машинки («Континенталь», «Ундервуд», «Ремингтон», «Смис премьер», «Ленинград»), и многое другое («драпри из синего рапса», «украинская дорожка», «ковёр казахский»). «Всего 962 предмета на 173 629-02 руб. Оказалось в наличии на 173 719-30 руб.»²⁹. В «Списке учреждений АН СССР в г. Москве, подготовленных к длительному хранению и принятых Комиссией с надлежащим оформлением приемо-сдаточных актов» Институт истории АН СССР фигурирует в числе других учреждений (январь 1942 г.)³⁰.

Руководство АН СССР пыталось добиться восстановления здания на ул. Волхонка, д. 14. От имени С. М. Файланда в 1942 г. неоднократно посылались письма в Моссовет с просьбой отремонтировать это здание (строительные подразделения «Академстрой» были загружены оборонными заказами); до середины 1943 г. там размещался склад гидрографического управления Наркомвоенморфлота³¹. Однако эти усилия не возымели действия. Из материалов к собранию партийно-хозяйственного актива учреждений Академии наук, находившихся в Москве (оно состоялось 4 мая 1943 г.), вырисовывалась печальная картина: «Здание на Волхонке, 14 от бомбежек приведено в полную негодность, нуждается в капитальном восстановительном ремонте, оборудование и обстановка, которые могли быть сохранены, поломаны и исковерканы, а то, что не пострадало от бомбежек, роздано сторонним организациям»³².

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для историков, как и для оставшихся в прифронтовом городе археологов Московского отделения ИИМК, важнейшее значение во время осадного положения и неразберихи имела причастность к «Летописи Отечественной войны (оборона Москвы)», которую организовал член-корреспондент АН СССР И. И. Минц³³. Целью

²⁷ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–12.

²⁸ Там же. Оп. 2, Д. 31. Л. 1–2.

²⁹ Там же. Л. 3–38.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 54.

³¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 3.

³² Там же. Л. 17–18.

³³ Карпук С. Г. Указ. соч.

И. И. Минца было создание самостоятельного Института истории Отечественной войны под его руководством; он развил активную деятельность, в которую были вовлечены десятки сотрудников московских академических институтов. Минц вел переписку с академиком-секретарем Отделения истории и философии академиком А. М. Дебориным об организации Комиссии по истории Великой Отечественной войны. 15 января 1942 г. Деборин писал Минцу: «Можно было бы немедленно приступить к сбору материалов для составления специального труда, посвященного зверствам германских фашистов и проявлениям вандализма, выражающегося в уничтожении культурных памятников нашей страны»³⁴.

В результате появилось постановление Президиума АН СССР от 15 января 1942 г. «О работе по истории Отечественной Войны», в котором отдельными пунктами значилось: «2. Возбудить ходатайство перед СНК СССР об учреждении в составе АН СССР Института Истории Отечественной Войны. 3. Определить штат Института в 33 чел. — за счет Отделения Общественных Наук с фондом заработной платы 21.015 рублей. 4. На расходы связанные с организацией работ... выделить И. И. Минцу 50.000 рублей. 5. Считать необходимым немедленно приступить к изданию “Летописей отечественной войны” или другого издания этого типа»³⁵.

Был подготовлен проект постановления Моссовета «О работе по Московской летописи Великой отечественной войны Советского народа»³⁶, а также составлено штатное расписание «Комиссии по собиранию материалов для истории Отечественной войны и составлению хроники обороны» г. Москвы на 1942 год. Научный персонал составлял 41 единицу (с фондом заработной платы 30 925 руб. в месяц), административно-хозяйственный персонал — 8 единиц (3525 руб. в месяц). Председатель комиссии должен был получать 1500 руб. в месяц, зам. председателя, ученый секретарь, руководители отделов — по 1200 руб. Документ был подписан заведующим финансовым отделом АН СССР П. Г. Шидловским³⁷.

Неизвестно, было ли именно это постановление претворено в жизнь; архивные документы свидетельствуют о попытке создания Института истории Отечественной войны под руководством И. И. Минца со штатом 33 человека и фондом заработной платы 21015 руб., с которым сотрудничали московские историки и археологи³⁸.

Для сотрудников Института истории участие в этой работе имело важное значение; об этом свидетельствует письмо вице-президенту АН СССР О. Ю. Шмидту от старшего научного сотрудника Института истории АН СССР П. Н. Миллера от 9 марта 1942 г. На письмо сохранилась резолюция самого О. Ю. Шмидта от 10 марта: «переговорить с П. Н. Миллером».

«Глубокоуважаемый Отто Юльевич! Вчера, 6 марта на Вашем докладе на открытом партийном собрании сотрудников АН СССР, на котором я, к сожалению, по совершенно исключительным обстоятельствам не смог быть, Вы не упомянули об Институте истории, к числу научных сотрудников которого я принадлежу. Между тем, организованная Институтом Московская группа в лице научных сотрудников Н. Г. Бережкова, О. Л. Фроловой, М. М. Зайцевой и П. Н. Миллера очень интенсивно работала, не прерывая занятий ни на один час, несмотря ни на какие обстоятельства, по собиранию материала и его обработке для Московской летописи Великой отечественной войны. Результаты этой работы в количестве более 18 000 отдельных документов, пока печатных (газеты, журналы и т.п.) хранятся в помещении редакции “Истории гражданской войны” и продолжают пополняться. Очень

³⁴ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 18.

³⁵ Там же. Л. 19. Постановление было подписано двумя вице-президентами АН СССР — О. Ю. Шмидтом и Е. А. Чудаковым, которые находились в эвакуации в Казани.

³⁶ Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

³⁷ Там же. Л. 5.

³⁸ Там же. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 19.

прошу Вас принять это во внимание и дать соответствующую оценку нашей работе. С.н.с. Института истории АН СССР П. Н. Миллер. 9 марта 1942 г.»³⁹.

К работе комиссии позже пытались подключиться и ленинградские историки: сохранилось письмо М. В. Левченко, который возглавлял казанскую группу Ленинградского отделения Института истории, Г. Ф. Александрову о привлечении сотрудников ЛОИИ к этому проекту⁴⁰. Однако сведений об участии историков ЛОИИ в данном проекте не сохранилось.

Несмотря на активность И. И. Минца, в длительной перспективе его усилия не увенчались успехом; академическая вертикаль сохранилась, новых институций создано не было. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что руководство Казанского центра Академии наук было отстранено Сталиным как раз за проявление самостоятельных инициатив. Был лишен руководящего поста деятельный вице-президент АН СССР О. Ю. Шмидт. Власть перешла к больному и малоактивному президенту АН СССР В. Л. Комарову, который находился в Свердловске и интересовался прежде всего проблемами развития Уральского региона⁴¹.

ЭВАКУАЦИЯ, ТАШКЕНТ

Местом эвакуации большинства сотрудников Института истории и их коллег из Ленинградского отделения, которые смогли выехать из блокадного Ленинграда, стал Ташкент. Там, в Узбекском филиале АН СССР, проводились научные заседания. 31 января 1942 г. состоялось первое такое заседание, посвященное памяти умершего за месяц до этого в блокадном Ленинграде академика С. А. Жебелева. В заседании приняли участие эвакуированные из Москвы и Ленинграда сотрудники Института истории, ИИМК, ИМЛИ, а также сотрудники Института языка, литературы и истории УзФАН⁴². В Ташкенте проводились регулярные заседания Ученого совета Института истории, проводились защиты диссертаций. 7 и 17 июня 1942 г. прошли заседания, посвященные царю Ивану Грозному. Положение эвакуированных в Ташкенте было в целом лучше, чем тех, которые оказались на Урале и в Поволжье, тем не менее все ждали возвращения в Москву. В феврале 1942 г. академик Б. Д. Греков писал эвакуированному в Башкирию А. Б. Рановичу: «Мы тоже живем надеждами и уверены, что снова засияет над нами московское солнце»⁴³.

Управленческим центром для институтов Академии наук в 1942–1943 гг. стал Свердловск. Решающее значение имело первое общее собрание Академии наук в условиях военного времени, которое состоялось 7 мая 1942 г. в Свердловске. Вице-президентом АН СССР и одновременно академиком-секретарем по Отделению истории и философии был назначен известный историк В. П. Волгин, что вызвало горячее одобрение директора Института истории Б. Д. Грекова⁴⁴. О проекте И. И. Минца по созданию отдельного Института Отечественной войны, что могло привести к дроблению Института истории, можно было забыть. Решения Казанского центра Академии наук были дезавуированы,

³⁹ Там же. Ф. 464. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁴⁰ Там же. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 22–22об.

⁴¹ Савина Г. А. Опыт социальной истории в лицах: В. Л. Комаров – президент АН СССР // Нестор 9. На переломе: отечественная наука в конце XIX–XX века, вып. 3. СПб., 2005, с. 165–205; Афиани В. Ю., Осипова Н. М. Академия наук СССР в первые месяцы войны // Исторические записки, 2010, вып. 13 (131), с. 9.

⁴² Картюк С. Г., Кулишова О. В. Академик С. А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории, 2018, т. 78/1, с. 88–112.

⁴³ Абрам Борисович Ранович: документы и материалы. Сост. А. И. Клюев, О. В. Метель. Омск, 2018, с. 39.

⁴⁴ Гладышев А. В. Историк – руководящий: В. П. Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006, с. 136–198; Греков Б. Д. Письма (1905–1952). Сост. В. Г. Бухерт. М., 2019, с. 262.

и эвакуированные сотрудники Института истории в Ташкенте оперативно реагировали на указания руководства АН СССР в Свердловске, о чем свидетельствует рукописный листок, подшитый к протоколам заседаний Ученого совета Института истории АН СССР за 1942 г.: «15/V 42 г. В Ученый Совет Института Истории Академии Наук СССР. В связи с сессией Академии Наук СССР в Свердловске в печати появились сведения об факте исключительного значения. Общему Собранию Академии сообщены “указания товарища Сталина о всемерном развертывании фронта Академии Наук, направленного на укрепление военной мощи Советского Союза”. Академии Наук предстоит, согласно этим указаниям, возглавить “движение новаторов в области науки и производства”. В ответ на призыв вождя, общее собрание Академии Наук обратилось к товарищу Сталину с письмом, в котором дает торжественное и нерушимое обещание “поднять безграничные силы современной, идущей вперед, переступающей пределы, передовой науки”. Мы убеждены, что выражаем настроение всего нашего Института, если предложим единодушно присоединить[ся] к этому обещанию. В первую очередь мы должны взять на себя обязательство на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина “всемерно разоблачать фашизм, враждебный жизни и свободе человечества, враждебный прогрессу, культуре и разуму”, помня, что на нас лежит дело защиты общечеловеческой культуры от мрака фашистской инквизиции. Вместе с тем мы призываем наших товарищей присоединиться к обращению Собрания Академии Наук СССР к ученым всего мира: “Еще настойчивее будем разоблачать и разбивать фашистскую лженауку и демагогию! ... Все силы мировой науки на помощь Красной Армии, на помощь антифашистскому фронту! Все силы науки и прогресса в наступление, в бой против фашизма!” Таковы лозунги, на которых должны стоять (!) вся научная работа нашего Института. Действительный член АН СССР Ю.В. Готье. Действительный член АН БССР, член-корреспондент АН СССР В. Пичета. Член-корр. АН СССР С. Бахрушин. Чл.-корр. С. Веселовский. Чл.-корр. Е. Косминский. Чл.-корр. С. Богоявленский»⁴⁵.

РЕЭВАКУАЦИЯ

С начала 1942 г. в Москву стали возвращаться отдельные лаборатории академических институтов. Февралем 1943 г. датировано письмо президента АН СССР В. Л. Комарова заместителю председателя Госкомитета обороны СССР В. М. Молотову с просьбой разрешить перевод президиума АН СССР в Москву⁴⁶. 13 марта 1943 г. было издано Постановление СНК СССР № 269 от «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии Наук СССР в г. Москву», которое было подписано В. М. Молотовым⁴⁷. В Москву вернулось 61 учреждение, в том числе 40 институтов и 3109 сотрудников. Реэвакуация осуществлялась в три этапа: 1-я очередь возвращения институтов АН СССР в Москву — май, 2-я — июнь-июль, 3-я — октябрь 1943 г. В списке реэвакуированных институтов АН СССР (ноябрь 1943 г.) значился Институт истории⁴⁸.

Сотрудники различных гуманитарных институтов АН СССР, включая сотрудников Института истории, наряду с учеными-сейсмологами, вывозились из Ташкента в Москву с 15 по 20 мая 1943 г. На это было выделено: вагон-ресторан, 2 вагона СВ, 2 мягких и 10 жестких вагонов. Вывозились 560 сотрудников АН СССР и иждивенцев. Для перевозки имущества были выделены 7 крытых товарных вагонов. Станцией отправления значился Ташкент, назначения — Канатчиково Московской окружной железной дороги⁴⁹. Из Ташкента прибыло 255 сотрудников АН СССР, 319 иждивенцев, всего 574 человека.

⁴⁵ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 56. Л. 2–2об.

⁴⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 1–1об.

⁴⁷ Там же. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 50, 55.

⁴⁹ Там же. Л. 8, 9, 15.

С лета 1943 г. в Москве уже проходили защиты диссертаций⁵⁰. Первая сессия Академии наук СССР прошла в Москве в конце ноября 1943 г., а 11 января 1944 г. руководство АН СССР докладывало В. М. Молотову, что эвакуация в Москву завершена, всего было перевезено 3109 сотрудников академии и 5809 членов их семей⁵¹.

Институт истории АН СССР в Москве в полном объеме восстановил свою деятельность летом 1943 г. (Ленинградское отделение на два года позже). Дробления института не произошло: инициатива И. И. Минца о создании самостоятельного Института истории Отечественной войны не получила поддержки после того, как центр управления советской академической наукой был весной 1942 г. перенесен в Свердловск. Происходит гиперцентрализация, от которой Институт истории даже выиграл: под руководство историков перешел Институт истории материальной культуры (директорами ИИМК были последовательно Б. Д. Греков и А. Д. Удальцов, заместителем директора в завершающий период войны был А. В. Мишулин)⁵². И после окончания войны Институт истории АН СССР оставался влиятельным гуманитарным академическим институтом, который осуществлял координационную деятельность в сфере исторических исследований.

Библиография

- Абрам Борисович Ранович: документы и материалы. Сост. А. И. Ключев, О. В. Метель. Омск, 2018.
- Афиани В. Ю., Осипова Н. М. Академия наук СССР в первые месяцы войны // Исторические записки, 2010, вып. 13 (131), с. 9.
- Гладышев А. В. Историк — руководящий: В. П. Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006, с. 136—198.
- Греков Б. Д. Письма (1905—1952). Сост. В. Г. Бухерт. М., 2019.
- Греков Б. Д. Изучение истории СССР за 25 лет // Исторический журнал, 1942, № 10, с. 83—91.
- Двадцать пять лет исторической науки в СССР // Академия наук СССР. Институт истории. Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. М.—Л., 1942.
- Картюк С. Г. Московское отделение ИИМК, лето 1941 — зима 1941/42 гг. // Российская археология, 2019, № 2, с. 167—177.
- Картюк С. Г. ИИМК в Москве, 1943—1945 гг. // Российская археология, 2019, № 3, с. 115—121.
- Картюк С. Г., Кулишова О. В. Академик С. А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории, 2018, т. 78/1, с. 88—112.
- Козлов Б. И. Академия наук СССР в годы войны: урок истории // Вестник РАН, 2005, т. 75, № 5, с. 387—392.
- Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах). Т. 2. 1917—1976. М., 1977.
- Савина Г. А. Опыт социальной истории в лицах: В. Л. Комаров — президент АН СССР // Нестор 9. На переломе: отечественная наука в конце XIX—XX века, вып. 3. СПб., 2005, с. 165—205.

References

- Dvadsat' piat' let istoricheskoi nauki v SSSR [25 years of historical science in the USSR] // Akademiia nauk SSSR. Institut istorii. Pod red. V. P. Volgina, E. V. Tarle, A. M. Pankratovoi [Academy of sciences of the USSR. Institute of history. Ed. V. P. Volgin, Ye. V. Tarle, A. M. Pankratova]. Moskva—Leningrad, 1942. (In Russ.)
- Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy. Sost. A. I. Kliuev, O. V. Metel' [Abram Borisovich Ranovich: documents and materials. Comp. A. I. Klyuev, O. V. Metel']. Omsk, 2018, p. 39. (In Russ.)
- Afiiani V. Yu., Osipova N. M. Akademiia nauk SSSR v pervye mesiatsy voyny [Academy of sciences of the USSR during the first months of the war] // Istoricheskie zapiski [Historical notes], 2010, vol. 13 (131), p. 9. (In Russ.)

⁵⁰ Событием в научной жизни Москвы стала защита докторской диссертации А. В. Мишулиным 8 июля 1943 г. Оживленный диспут завершился убедительным голосованием «за», при одном воздержавшемся // Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 65. Л. 38; Д. 198. Л. 12.

⁵¹ Савина Г. А. Указ. соч., с. 197—198.

⁵² Картюк С. Г. ИИМК в Москве, 1943—1945 гг. // Российская археология, 2019, № 3, с. 115—121.

Gladyshev A. V. Istorik — rukovodiashchii: V. P. Volgin [A historian as a chief: V. P. Volgin] // Istorik i vlast': sovetskie istoriki stalinskoi epokhi [A historian and the political power: Soviet historians of the Stalin's epoch]. Saratov, 2006, p. 136–198. (In Russ.)

Grekov B. D. Izuchenie istorii SSSR za 25 let [Studying the history of the USSR for 25 years] // Istoriicheskii zhurnal [Historical journal], 1942, № 10, p. 83–91. (In Russ.)

Grekov B. D. Pis'ma (1905–1952). Sost. V. G. Bukhert [Letters (1905–1952). Comp. V. G. Bukhert]. Moskva, 2019, p. 262. (In Russ.)

Karpyuk S. G. IIMK v Moskve, 1943–1945 gg. [The Institute for the history of material culture in Moscow, 1943–1945] // Rossiiskaia arkheologiya [Russian archaeology], 2019, № 3, p. 115–121. (In Russ.)

Karpyuk S. G. Moskovskoe otdelenie IIMK, leto 1941 — zima 1941/42 gg. [Moscow branch of the Institute for the history of material culture, summer of 1941 — winter of 1941/42] // Rossiiskaia arkheologiya [Russian archaeology], 2019, № 2, p. 167–177. (In Russ.)

Karpyuk S. G., Kulishova O. V. Akademik S. A. Zhebelev, poslednie gody: stenogramma zasedaniia akademicheskikh institutov v Tashkente 31 ianvaria 1942 g. [Academician S. A. Zhebelev, recent years: transcript of the meeting of academic institutes in Tashkent on January 31, 1942] // Vestnik drevnei istorii [Bulletin of ancient history], 2018, vol. 78/1, p. 88–112. (In Russ.)

Komkov G. D., Levshin B. V., Semyonov L. K. Akademiia nauk SSSR. Kratkii istoricheskii ocherk (v dvukh tomakh). T. 2. 1917–1976 [Academy of Sciences of the USSR. A brief historical sketch (in two volumes). Vol. II. 1917–1976]. Moskva, 1977. (In Russ.)

Kozlov B. I. Akademiia nauk SSSR v gody voyny: urok istorii [Academy of Sciences of the USSR during the war: a history lesson] // Vestnik RAN [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2005, vol. 75, № 5, p. 387–392. (In Russ.)

Savina G. A. Opyt sotsial'noi istorii v litsakh: V. L. Komarov — prezident AN SSSR [An essay of social history in personalities: V. L. Komarov — president of the Academy of sciences of the USSR] // Nestor 9. Na perelome: Otechestvennaia nauka v kontse XIX–XX veke [Nestor 9. At the break: Russian science in the late XIX–XX century], vol. 3. Sankt-Peterburg, 2005, p. 165–205. (In Russ.)